

Да, мы шагаем в такт планете:
 Покачиваясь на широтах,
 На полюс с полюса идем.
 По всем дорогам всей России
 Босые ноги красных армий
 Империй дают виноград.

(Перевод А. Ромма)

В разделе неизданных стихотворений «Незаконченные поэмы» (1924—1933 гг.) больше всего запоминается полный сдержанной грусти фрагмент «Во дворе тюрьмы». Зато несколько досадное впечатление производит отрывок «Снег» — на тему о Москве. Это — стихи явно сырые, недоделанные. Их не стоило включать в сборник, особенно ввиду серьезности темы.

В последние годы Вайян-Кутюрье отдавал поэзии лишь редкие свои досуги. Все же заключительная часть сборника отражает существенные черты Вайяна-Кутюрье — неистощимого жизнелюбца, одаренного подлинно французским остроумием. В промежутках между заседаниями в ЦК и поездками в Испанию, между газетными передовицами и предвыборными кампаниями Вайян-Кутюрье писал песни для летних лагерей французской молодежи — хлесткие, озорные, задорные.

Небольшой сборник стихов Вайяна-Кутюрье помогает понять богатую и многогранную личность писателя-борца, чья память дорога всем тем, кому дорог французский Народный фронт.

Т. М.

ВЫШЛИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

ЛУ СИНЬ. 1881 — 1936. Сборник статей и переводов, посвященный памяти великого писателя современного Китая, 1938 г. Издательство Академии наук СССР.

Небольшой сборник, изданный Институтом востоковедения Академии наук, как показывает подзаголовок, состоит из двух разделов: в первый входят статьи о покойном писателе, во второй — переводы его произведений. И так как творчество писателя часто интересней его биографии, хочется начать со второго раздела. Он открывается прекрасной новеллой «Подлинная история А-Кея». Лу Синь — замечательный знаток быта китайской деревни, и эта характерная особенность выявилась здесь в полной мере. Действие «Подлинной истории» происходит в глухой деревушке. Ее населяют темные, невежественные люди, раболепствующие перед богачами и издевающиеся над своим самым бедным, самым забитым земляком. А-Кей одинок, живет впроголодь, не имеет своего угла; его вечно преследуют насмешки и побои односельчан.

Но вот в деревню докатилась весть о приближении революционеров. «Сделать революцию, все перевернуть — это хорошо! — подумал А-Кей... Я присоединюсь к революционерам». Но ему и здесь не повезло. Когда он заявил своему односельчанину, сыну «почтенного Цяня», что «хочет сделаться революционером», тот прогнал его. А-Кею не позволили «стать революционером». А через несколько дней по обвинению в грабеже, в

котором он не принимал никакого участия, А-Кея расстреляли.

А-Кей — символический образ миллионов голодных, нищих китайских крестьян, которые не знают, что такое жизнь без эксплуатации, голода и побоев, которым непонятно, зачем они живут и почему умирают.

История А-Кея, рассказанная просто и живо, проникнута теплым и мягким юмором.

Глубоко трагично «Моление о счастье» — новелла о молодой вдове, которую выдали замуж (что в Китае считалось позорным). Вскоре умирает и второй ее муж, а ребенка уносит волк. Окружающие считают, что это ее «бог наказал», и жестоко издеваются над ней. Измученная, доведенная до отчаяния женщина кончает с собой. В «Молении о счастье» Лу Синь показывает, как порожденная предрассудком жестокость отравляет и без того тяжелую жизнь.

Философствующий чиновник — герой новеллы «Весенний праздник» — типичен для колеблющейся части китайской интеллигенции. Сильное впечатление производит психологическая новелла «В толпе» о преступнике, которого перед казнью напоказ водили по улицам.

Жаль, что переводчики Лу Синя плохо знают русский язык. Что можно понять в такой, например фразе: «И тогда даже

честные и незапятнанные чиновники, и они мало-помалу стали думать, что жалованья нельзя не требовать, а тем более совмещающий с казенной службой занятия учителя Фан Сюань-чо» («Весенний праздник»). Или: «...человек (!) во второй раз замуж выходит, бывает, и поплачет, бывает, скажет, что и смерти искать будет, бывает, что принесут в дом мужа (кого же именно принесут: жену или мужа? — М. К.) — земле и небу поклониться не хочет». «Вот пойдешь ты в приказ (!) в обители мрака, а оба эти мужа... будут препираться за (!) тебя» («Моление о счастье»). «Обе щеки его надулись, точно он рассердился, что такой ее ответ совпадает с его рассуждением... и что она почти вторит ему в голос (!); тогда он отвернул (!) голову и этим дал ей понять, что беседа окончена» («Весенний праздник»). Вэй ездил к матери «на побывку». На побывку, как известно, ездят только военные, а здесь, очевидно, — погостить. «Она резала куриц» (!) («Моление о счастье»).

Примеры, в которых синтаксическая невнятица сочетается с прямой безграмотностью, можно было бы приводить до бесконечности. Таким языком переведены все новеллы.

Нужно удивляться тому, что редакция столь беззаботно подошла к редактированию перевода впервые публикуемых произведений великого китайского писателя.

В обстоятельной статье Эми Сяо дана развернутая характеристика Лу Синя — писателя, революционера, мыслителя и общественного.

Очень содержательна статья сотрудника Института востоковедения т. Шприцина «Лу Синь и вопросы китайского языка и китайской письменности». Автор знакомит нас с реформой китайской письменности и языка, начатой еще в XIX веке передовыми людьми Китая, и с огромной ролью, которую играл Лу Синь в демократизации китайского литературного языка и латинизации китайской письменности. К сожалению, статья написана очень сухим и тяжелым языком.

Сборнику предпослана вступительная статья, но она является в сокращенном виде повторением статьи Сяо. Объем сборника небольшой, — лучше было бы за счет сокращения этой статьи дать больше произведений Лу Синя.

М. Кессель

ФРИЦ ЭРПЕНБЕК «ЭМИГРАНТЫ». Пер. с нем. Жургазобъединение. М. 1938 г. стр. 451

Это книга о прошлом, хотя описываемые в ней события произошли всего пять лет назад. Это первый период немецкой антифашистской эмиграции, ее первый год, период смятения и растерянности слабых, период освоения новых задач для сильных и сознательных. Автор сам отмечает в предисловии, что многого мир еще не знал в тот период, когда роман писался. Еще только начиналось единение антифашистских сил. Тем не менее роман нельзя назвать «устаревшим до появления в свет»: об эмигрантской жизни немцев-антифашистов в художественной литературе Запада можно насчитать лишь несколько новелл и очерков. Советский читатель не знает даже и этих крох. Немецкий народ выдерживает историческое испытание на стойкость не только внутри фашизированной Германии, но и вне ее. До сих пор мы читали романы о тех, кто живет и борется внутри страны; романом Фрица Эрпенбека начинается литература о тех немцах-антифашистах, которые живут и борются в эмиграции.

Три немца тайно переходят чехословацкую

границу — коммунист рабочий Петер Рель, Карл Люринг — старый социал-демократ, рабочий и в недавнем прошлом городской советник какого-то провинциального муниципалитета. Третий — художник Оскар Гундель, эмигрирующий больше из предосторожности: он прежде встречался в различных кафе с лево-настроенными художниками, — других проявлений антифашизма за ним не числится. Петер и Оскар подобрали раненого, больного, с отбитыми почками Люринга на горном перевале и вместе с ним прибыли в Прагу.

Автор ярко и рельефно рисует жизнь немецких эмигрантов. В длинных очередях в коридорах эмигрантского комитета стоят, ожидая помощи и приюта, рабочий-коммунист, профессор теологии — религиозный пацифист, рабочие — социал-демократы, писательница по сексуальным вопросам, беспартийные пролетарии, служащие, художник Оскар Гундель, которого никто не знает и который неизвестно зачем эмигрировал. Главное, что занимает мысли этих людей, что наполняет их бесконечные споры, — это вопрос: «Кто